

КУЛЬТУРНЫЙ ДНЕВНИК

Анатомия эмиграции. Судьбы изгнанников в фильме Джулии Локтев

Дмитрий Волчек

11 октября 2026

Кадр из фильма "Мои нежелательные друзья"

Аристофан и Цицерон утверждали, что родина находится там, где человеку хорошо. С этим высказыванием вряд ли согласятся герои десятисерийного фильма американской кинематографистки Джулии Локтев "Мои нежелательные друзья". Они покинули Россию не по своей воле, и это насильственное расставание с родиной оказалось для большинства травматическим опытом.

Год назад Джулия Локтев рассказывала в эфире Радио Свобода о первых пяти сериях фильма, которые объединены подзаголовком "Последний воздух в Москве". В 2021 году она приехала в Россию снимать журналистов, объявленных "иноагентами", но стала свидетелем разгрома последних независимых СМИ, ускорившегося после начала полномасштабной войны с Украиной.

Осенью 2026 года вышла вторая часть 11-часового фильма. Она носит подзаголовок "Изгнание" и рассказывает о том, как сложились судьбы известных журналистов, эмигрировавших из России весной 2022 года. Личные кризисы переплетаются с профессиональными. Один из них, который в фильме детально изучен, связан с решением латвийских властей в декабре 2022 года лишить лицензии телеканал "Дождь" из-за прозвучавших в эфире слов о российской армии, которые можно было истолковать превратно.

Джулия Локтев – из семьи эмигрантов, покинувших СССР в конце 70-х. Она выросла в США, неоднократно приезжала в Россию и подружилась с Еленой Костюченко, Ксенией Мироновой, Алесей Мароховской, Петром Рузавиным и другими известными журналистами. Они и стали героями её документального фильма.

СМОТРИ ТАКЖЕ

Москва без воздуха. История фильма "Мои нежелательные друзья"

Премьера фильма "Мои нежелательные друзья. Изгнание" прошла на кинофестивале в Венеции. Пока фильм путешествует по фестивалям, а в следующем году появится на стриминговой платформе MUBI, где уже есть первая часть. Кинокритик **Антон Долин** [советует](#) смотреть фильм именно в кинотеатре: "Декларативный контраст хроникально-домашней съемки на айфон с огромностью хронометража и экрана отражает сущностный парадокс: трагический, чуть ли не гротескный дисбаланс между крохотностью человека, оказавшегося под прессом политического преследования, и неохватностью исторического механизма, перемалывающего любого из нас в труху". Когда мы записывали это интервью, **Джулия Локтев** представляла свой фильм на фестивале в Калифорнии.

– Джулия, какую часть было сложнее снимать и монтировать: первую, московскую, или вторую, про эмиграцию?

– Когда я снимала, разницы между частями не было. Она появилась на каком-то этапе монтажа. Я несколько раз ездила в Россию осенью 2021-го и зимой 2022-го. Потом прилетела 23 февраля и снимала первую неделю полномасштабной войны, снимала на "Дожде", когда "Дождь" закрыли. Потом все мои герои уехали из страны. Я осталась: не могла поехать в аэропорт, потому что вся моя съёмка была на телефонах. Я не знала, что будет на таможне, и не хотела её потерять. Я просидела

там ещё день и просто загружала всё в "облако", чтобы кто-то скачал в Нью-Йорке. И тогда я почувствовала: окей, могу улететь в Стамбул и продолжать снимать. Я снимала в Стамбуле, в Тель-Авиве, в Тбилиси, в Праге, просто следовала за героями, вынужденными эмигрантами, и не знала, где буду через два дня. Просто следовала за историей. Так продолжалось месяц.

А потом, когда я смонтировала "Последний воздух в Москве", я поняла, что это будет одиннадцатичасовой фильм. У меня был такой скрининг-клуб, которому мы показывали дома каждую главу. И они сказали: слушай, ты что, собираешься сидеть и монтировать ещё год? Надо выпускать это сейчас. И тогда мы решили разделить фильм на две части, поторопиться и выпустить первую отдельно. Получилось так, что это одна история, но в двух частях. Если искать литературные аналоги, это два тома.

“ Я снимала в Стамбуле, в Тель-Авиве, в Тбилиси, в Праге, просто следовала за героями, вынужденными эмигрантами

– Наверняка в Москве было постоянное ощущение опасности: и с вами, и с вашими героями в любой момент могло случиться что-то ужасное. За границей, конечно, тоже есть риск, но постоянного ощущения опасности нет. Можно всё-таки расслабиться.

– Но расслабиться было нельзя. Да, я не боялась, что в любой момент войдут спецслужбы, но представьте себе первые дни после отъезда: я снимаю людей, у которых разрушилась жизнь, и они стараются как-то её собрать и начать работать. Это было очень эмоциональное время для всех, очень болезненное. Нужно было просто присутствовать, понимая, что ты с людьми, которые переживают травму и при этом всё время напоминают себе, что людям в Украине, конечно, хуже.

– Вы рассказывали мне в прошлом году, что люди из разных стран, которые мало что знают о России, с интересом смотрят этот фильм, потому что чувствуют его универсальность. В частности, в вашем домашнем скрининг-клубе, который вы упомянули. Понятно, что вторую часть ещё мало кто посмотрел, но были уже интересные отклики первых зрителей?

– Есть, например, фанаты из Китая, которые подходят после сеанса и говорят: слушайте, это фильм о нас. Кто-то недавно перевёл нашу первую часть на фарси и тоже говорил: это о нас. А американцы сейчас очень ощущают, что это о них, потому что столько всего происходит с прессой в Америке. У нас сейчас президент тоже говорит, что что-то не так со страной, которая разрешает прессе публиковать негативные истории. Мы видим, как ведёт себя Израиль, как Европа идёт всё правее и правее. Тут, мне кажется, важны две вещи. С одной стороны, политический резонанс, а с другой – люди просто смотрят на наших персонажей и понимают их как людей. Самое важное – как передать историю через людей, которые её проживают.

– Главная тема фильма – осмысление себя как эмигранта. Конечно, это очень субъективно, у всех это произошло по-разному. Можно воспринимать эмиграцию как замечательный опыт, как поиск самого себя. С другой стороны, есть такая пословица: где родился, там и пригодился. Вы тоже из семьи эмигрантов и сейчас сняли фильм об эмигрантах. Что для вас эмиграция?

– Люди, которые уехали после начала большой войны, используют выражение "вынужденная эмиграция", а я чаще использую слово "изгнание". Мои родители и я

уехали из Советского Союза в 70-х как эмигранты. Exile и emigration – это две очень разные вещи.

Джулия Локтев

Понятно, что есть и общее. Например, мои родители не могли похоронить своих отцов. Мы понимали, что не можем вернуться. Но мои родители, которым было по 40 лет, уехали из Советского Союза, чтобы стать американцами. А мне было девять лет, и я хотела в Диснейленд.

В то время считалось: если ты уехал, ты выиграл в лотерею – тебя выпустили из Советского Союза. Тебе говорят, что ты никогда не увидишь бабушку, дедушку, тётю. Конечно, это большая травма. Но, с другой стороны, ты получаешь возможности, которых у них нет.

Моя мама до сих пор говорит с тяжёлым русским акцентом, как человек, который уехал в 40 лет и почти не говорил по-английски. Но она считает себя американкой, живёт в Колорадо и говорит: I'm local, я местная.

Совсем по-другому у журналистов, которые были вынуждены отправиться в изгнание. Они этого не планировали, они предпочли бы оставаться в России и продолжать говорить о том, что там происходит, имея возможность видеть это своими глазами. А сейчас никто из них не может ступить на родную землю, но они стараются продолжать работу. Все наши персонажи работают как журналисты. Только один (Пётр Рузавин, воюющий в рядах ВСУ – РС) решил, что надо делать больше, но и он в некотором смысле остаётся журналистом. Алеся Мароховская говорит в фильме: когда ты 24x7 пишешь о России, очень трудно интегрироваться в Чехии и думать, что ты переехала.

Это более специфическая ситуация – для журналистов, которые работают, чтобы донести новости о России до русскоязычных зрителей. Мне кажется, они в более подвешенном состоянии.

– При этом нужно сказать, что с бытовой точки зрения жизнь у всех сложилась более-менее благополучно, вопреки опасениям. Вначале одна из ваших героинь шутит: "Может быть, это мой последний айфон", но я думаю, что у неё и сейчас есть айфон последней модели. Конечно, Елену Костюченко пытались убить, многие переживают разлуку с родственниками, но настоящих эмигрантских трагедий в этой среде нет. Никто не сидит в лагере для беженцев, никого не депортируют в

Россию, никто не вынужден мыть полы, чтобы не умереть с голоду. Так что это благополучный образ эмиграции, и в целом довольно нетипичный.

– И да и нет. Важно сказать, что это люди, у которых, конечно, есть привилегия работать по профессии. Как долго это будет продолжаться, как долго будут существовать русскоязычные медиа в изгнании – это тоже вопрос. Всегда боишься, что деньги кончатся. Последняя глава называется "Нормальное-ненормальное", потому что это очень странная ситуация: с одной стороны, на поверхности жизнь выглядит так, будто всё норм, а тебя в России заочно сажают на семь с половиной лет, и ты не можешь поехать в половину стран мира, потому что оттуда тебя могут выслать в Россию. Или тебе приходят угрозы – с данными твоего паспорта, с рейсом, которым ты летишь, и описанием твоей собаки. Или тебя отравляют. И при всём этом жизнь на поверхности выглядит нормально, айфон есть.

**“ Это сочетание
нормальности с полной
ненормальностью**

Но, с другой стороны, если твоя мама или твой папа заболевает, ты не можешь полететь к ним, потому что тебя арестуют в аэропорту. Я говорила на днях с одной из героинь, и она сказала: "Я знаю, где в моём родном городе

находятся камеры, live cam, которые всё снимают. Иногда я просто сижу и смотрю". Потому что чувство, что тебя выгнали, что ты не можешь вернуться, – это огромная боль. И при всём этом ты стараешься продолжать работать.

Так что это сочетание нормальности с полной ненормальностью.

К тому же многие, как я понимаю, вынуждены оглядываться. Я помню, как на "Дождь" пришли какие-то люди, которые выглядели как дружелюбные медиа. Их подпустили, а оказалось, что это был просто большой пропагандистский фильм для Первого канала. Это была такая ловушка. Кто ещё может собирать на тебя информацию? Ты должен всегда немного опасаться. И при всём том – есть квартира, есть айфон. И непонятно, как долго продлится такое существование.

– Ваши герои уезжали в спешке весной 2022 года, к эмиграции не готовились, и наверняка многие думали, что это временно. Прошло уже больше четырёх лет, возвращаться некуда. К тому же многие объявлены в розыск по уголовным делам. Вы предчувствовали в 2022 году, когда начали снимать вторую часть, что всё сложится именно так? Или думали, что это временная аномалия?

– Мне кажется, даже в 2022 году никто себе не позволял говорить: "Скоро приеду". Только Лена Костюченко всё время собиралась ехать – в тюрьму, а потом поняла, что угрозы, может быть, намного хуже, чем тюрьма, и решила не ехать. Но она единственная всё время говорила: вот я сейчас вернусь.

Тогда все думали о полномасштабной войне, и многие персонажи говорили: "Ну, шесть месяцев". Я не знаю никого, кто мог бы в то время представить и открыто сказать, что вот сейчас, осенью 2026 года, это всё будет продолжаться и конца не будет видно. Люди всё время говорили: "Война не может продолжаться так долго".

И, конечно, это ужас, который длится день за днём. Страшно то, что война не уменьшается, она разрастается, а внимание людей в мире снижается. Возникает привыкание, которого быть не должно.

Представим, что в мирной Европе, во Франции или в Чехии, вдруг рушится многоквартирный дом: шестеро погибших здесь, двенадцать на следующий день там. И люди говорят: "Ага, это нормально, это просто то, что происходит". Но это совсем не нормально, и этого не должно происходить. Было совершенно

непредставимо, что это будет идти так долго и что люди смогут к этому привыкнуть. Это почти исчезает из новостной повестки. Для меня это ужасно.

– Мне понравилась в вашем фильме формулировка Елены Костюченко, которая сказала, что в России наступил фашизм из-за любви людей к комфорту. Вы согласны с ней?

– Мне кажется, она говорит это очень мудро. И ещё она перефразировала свою жену Яну Кучину, которая сказала: мы все делали правильные вещи в неправильном порядке. Но это больше об активистах, о людях, которые занимались другими делами. А о том, что мы просто не хотели терять комфорт, не хотели менять нашу хорошую жизнь на плохую, она, мне кажется, говорит очень красиво.

ВЕЧЕРНЯЯ РАССЫЛКА

Подпишитесь на нашу рассылку!

Каждый вечер мы будем отправлять вам подборку главных тем дня. Пожалуйста, введите адрес вашей электронной почты ниже.

Подписаться

– Если судить по дискуссиям в социальных сетях, многих раздражают так называемые хорошие русские, которые зациклены на своих проблемах, считают себя главными жертвами, требуют, чтобы им все сочувствовали, а об Украине

вообще не думают. Мне кажется, вы специально ввели во второй части нового героя, Петра Рузавина, чтобы показать, что эти обвинения не всегда обоснованы.

– Тут дело не только в Пете Рузавине. Все наши герои всё время сравнивают и говорят: наши проблемы – ничто по сравнению с тем, что наша страна бомбит Украину, это намного бóльшая проблема. Так что это вопрос не только Петра Рузавина. Он, конечно, прекрасный персонаж, но у Пети с его женой, замечательной украинской журналисткой Наталкой Гуменюк, совсем другая история. Я, кстати, собиралась снимать Петра ещё до начала полномасштабной войны, потому что думала: вот-вот его объявят "иноагентом". Но он тогда не был в России, так что в результате я начала его снимать только через месяц после начала большой войны.

“ Все наши герои всё время сравнивают и говорят: наши проблемы – ничто по сравнению с тем, что наша страна бомбит Украину

– Один из ключевых моментов фильма – конфликт, возникший в Латвии вокруг телеканала "Дождь". Он привёл к тому, что журналистам пришлось покинуть Латвию. Многие думают, что латвийские чиновники просто придрались к пустяку, но вы представляете все точки зрения, даёте слово и критикам "Дождя". Что вы думаете об этой ситуации? Почему вы уделили ей столько

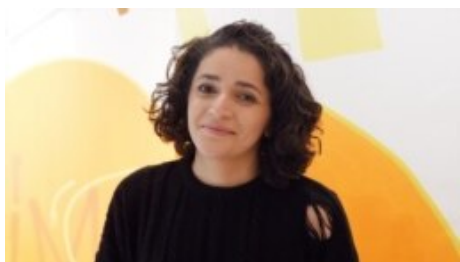
экранного времени? И можно ли сказать, что она абсолютно однозначна?

– Нет, конечно. Меня интересуют истории и люди во всей их сложности. Я снимала "Дождь", его ведущие были героями фильма. И вот происходит этот скандал. Конечно, это обязательно надо снимать. И моя задача – показать, что это не просто внутренняя кухня, передать это международным зрителям со всеми сложностями.

Главный оппозиционный российский канал уезжает в изгнание. Только-только находит базу в Латвии. Они работали в одолженных студиях, недавно начали вещать. И происходит этот скандал. И понятно, что латвийские власти к тому времени уже немного пожалели, что их пригласили. Так что делать? Надо ли отстранить человека, чтобы можно было существовать дальше?

Это, конечно, очень сложно. Но я решила сосредоточиться на более интересном вопросе – вопросе о "нашей армии". "Дождь" выгнали в том числе из-за того, что некоторые ведущие сказали "наша армия". Это универсальный вопрос: как говорить о собственной армии? Они говорят: "У нас российские паспорта. Эта армия ведёт преступную войну от нашего имени, совершает военные преступления. И как об этом говорить?".

Эта мысль казалась мне очень интересной. Действительно, некоторые ведущие, включая одну из наших героинь, говорят "наша армия". Я процитирую Тихона Дзядко: "Это не армия Альфы Центавра и не армия Швейцарии, это делает армия нашей страны". И потом к этому придрались. Формально претензия состояла в том, что зрители могут подумать, будто речь идёт о латвийской армии. Понятно, что на самом деле никто так не думал, и понятно, почему это произошло: Латвия в очень сложном положении. С одной стороны, все эти медиа хотят быть как можно ближе к России географически, чтобы не чувствовать себя совсем оторванными. Но это не очень комфортное пространство, если подумать об истории Латвии.

СМОТРИ ТАКЖЕ

Жить свою жизнь и надеяться на возвращение: краснодарская активистка штаба Навального – о новой реальности

– После премьеры в Венеции я разговаривал с немецким кинокритиком. Он сказал, что ваш фильм – очень точный портрет маленькой части российского общества, и по вашим героям нельзя судить о России в целом и о настроениях россиян.

– У меня никогда не было цели сделать портрет России. Я начала снимать фильм о журналистах, которых стали называть "иностранными агентами", в то время, когда "иноагентов" было всего 25. Сейчас их уже больше тысячи.

– Почти каждую пятницу добавляют новых.

– Да. Это начиналось как фильм о независимых журналистах, которые стараются в своей работе говорить правду в России, а потом вынуждены уехать, чтобы продолжать говорить правду. Но это портрет не только журналистов. Ко мне подходят очень многие люди, которые были вынуждены уехать в эмиграцию, люди антивоенных взглядов, и говорят: "Ой, это и моя история тоже". Но это точно не портрет всей России: для этого нужен другой фильм, и снимать его должна не я.

– Чешская документалистка Хелена Тржештикова снимает одних и тех же людей в течение нескольких десятилетий. Мы видим все повороты их жизни, видим, как они стареют, влюбляются, разводятся, как меняется мир вокруг них. Вы бы хотели продолжить свой сериал в таком духе? Ведь история ваших героев не закончена.

– Есть ещё прекрасный английский сериал Seven Up! Надо мной всегда шутили: это что, будет как Seven Up!, ты собираешься снимать их до конца жизни? Сейчас, я

думаю, надо сделать перерыв. У нас есть мечта: если когда-нибудь ситуация в России изменится настолько, что они смогут ступить на российскую землю, мы снимем третью часть. Не факт, что это случится, и почти наверняка это случится не скоро. Но если когда-нибудь что-то изменится и можно будет вернуться, я точно сделаю третью часть. Правда, не знаю, сколько мне тогда будет лет.

Дмитрий Волчек

Культурный дневник

Выбор Свободы